

УДК 342.228(476)

V. ASTAPOVSKIJ

B. SOKOLOV

POLITICAL SYMBOLISM IN NORMATIVE
EVALUATIVE CONTENT OF BELARUSIANS'
POLITICAL CULTURE

В. Е. АСТАПОВСКИЙ,

доцент кафедры идеологии и политических наук

Института государственной службы

Академии управления при Президенте

Республики Беларусь,

кандидат философских наук, доцент

Б. М. СОКОЛОВ,

старший преподаватель кафедры идеологии и поли-

тических наук Института государственной службы

Академии управления при Президенте

Республики Беларусь

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В НОРМАТИВНО-ОЦЕНОЧНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУСОВ

Рассматривается роль политической символики, языка политической культуры в жизни современного государства, показана связь политических символов и идеологических процессов в новейшей истории Беларуси.

The author examines the role of political symbols and the language of political culture in the life of a modern state and shows the connection between political symbols and ideological processes in the contemporary history of Belarus.

В энциклопедии Britannica символ определяется как «элемент коммуникации, который представляет или заменяет лицо, объект, группу, процесс или идею» [1, с.1747]. Единство всякой культуры основывается на общем языке ее символики. Культура связывает традиции народного символа с государством через государственную символику, что приводит к появлению символов политической культуры. Человек осознает себя гражданином государства в ситуациях, пронизанных символикой. Общепринятой классификации политических символов нет. В данной статье мы следуем классификации А. А. Радугина и Д. А. Мисюрова. К политической символике (по мнению А. А. Радугина) относятся следующие группы символов:

- национально-государственная символика (флаг, герб, гимн, Конституция, денежные знаки). Цель этой группы символов – привлечь внимание граждан, объединить их вокруг масштабной идеи, подвинуть на определенные действия;
- политические ритуально-процессуальные церемонии (празднование исторических событий государственной важности, проведение партийных съездов, демонстраций, возложение венков и цветов к национальным святыням);
- скульптурно-архитектурная символика. Символом власти и государства выступают двор-

цы, правительственные здания, площади (Кремль, Белый дом, Красная площадь);

- названия городов, мест, крепостей, ставших символами мужества, чести (Верден, Сталинград, Брестская крепость);

- условно-графические символы (звезда, свастика, серп и молот, Слоны, Медведь и т. д.);

- наглядно-агитационная символика (художественно оформленные лозунги, призывы, политическая карикатура, политическая реклама и антиреклама);

- объективно-предметная символика, в которой материализуется память о наиболее значимых событиях (крейсер «Аврора», танк у Дома офицеров);

- политико-музыкальные гимны, песни («Интернационал», «Марсельеза»);

- политическая мода (предпочтение определенной одежды, цвета, ношение значков, эмблем);

- политический язык, политическая жестикация («Родина или смерть», кулак как символ единства антифашистов).

Д. А. Мисюров выделяет такие группы символов:

- люди, оставившие заметный след в истории (Витовт, И. В. Сталин, А. Линкольн), иногда – вымышленные персонажи (дядя Сэм, Джон Буль, Иван);

- знаки отличия и различия (ордена, медали, погоны);

- символы места и времени («Золотой век», эпоха Петра I). Эта группа символов неизбежно связана с утопическими представлениями в общественном сознании, т. е. какой-то исторический период выступает как символ замечательного или ужасного. «Политические символы «тянутся друг к другу, нужно только уметь их соединять. Например, все политические манифестации, как правило, приурочиваются к какой-то памятной дате, проводятся возле значимых скульптурно-архитектурных ансамблей. Здесь используются наглядно-агитационные и ритуально-процессуальные средства, звучит музыка, развиваются флаги с условно-графической символикой и т. д. Такая обстановка создает благоприятные условия для внедрения в сознание людей символических форм идеологии, рекрутирования организациями новых членов» [2, с. 43–57].

Политическая символика – важная часть политической культуры. По отношению большей части населения к символам (воплощающим, как правило, определенные политические ценности) можно делать выводы не только о политической культуре, но и о формировании политической нации, сообществе, живущем в едином политико-правовом пространстве, законы и нормы которого признаются универсальными, несмотря на классовые, этнические, конфессиональные и другие различия. Такая «политическая нация» создавалась в СССР и определялась в тогдашнем общественном сознании как «новая историческая общность – советский народ». Разрушение этой общности по линиям этнических, национальных разделов было необходимым условием для разрушения этого государства. Дезинтеграция должна была быть двуединым процессом: дискредитация и устранение старой символики и утверждение новой. Символ, лишенный авторитета, обладает разрушительной силой, так как дискредитирует прежние ориентации относительно исторических событий, лиц, идей, вызывает у части людей негативное восприятие политической действительности и настроен протеста.

Политическая символика советского периода истории белорусского народа – это общесоюзная символика, дополняемая местным компонентом: гимн СССР и гимн БССР, многочисленные памятники В. И. Ленина, улицы, носящие имена партийных и государственных деятелей, иногда не имевших отношения к Беларуси. Эти символы несли огромную смысловую нагрузку, закрепляли в сознании людей мировоззренческую картину, где великий Ленин и его соратники создали великую свободную страну, надежду всего прогрессивного человечества, где мы все живем. Отметим только, что Беларусь избежала переименования городов, несущих в именах свою историческую память (Петербург – Ленинград, Самара – Куйбышев, Вятка – Киров). Исключением является

Пропойск, ставший в годы войны Славгородом. Руководители ВКП(б) прекрасно понимали значение политической символики и занимались этой проблемой с первых дней существования Советского государства.

При оценке политической символики советской истории необходимо помнить, что в разные периоды лежало в ее основе; что оказалось прочным, требующим к себе уважительного отношения, а что временным, враждебным изначальной сущности. В 1920-х гг., когда сохранялась инерция надежды на мировую революцию, пафос этих действий покоился на убеждении, что сотворится новый мир. Как в «Откровении Иоанна»: «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежняя земля и прежние небо уже миновали, и моря уже нет». И понятно было, куда указывали простертые руки новых памятников. За символами этого периода – пролитая кровь и человеческие надежды. Величие трагедии, которую преступно изображать фарсом.

Со второй половины 1930-х гг. начинается в политической символике СССР процесс, который лучше всего характеризуется строчками сменявших друг друга гимнов: «Мы наш, мы новый мир построим...» и «Союз нерушимый республик свободных навеки сплотила великая Русь». То есть, хотя так прямо могли и не думать, это и есть наш новый мир. За символикой этого периода тоже кровь, жертвы и надежды. В 1941 г. под знамена звали не только живых («Коммунисты, вперед!»), но и Александра Невского, и героев Грюнвальда, и героев войны 1812 года. Сталинград, Брестская крепость, блокадный Ленинград, Хатынь и освобожденный Минск – неоспоримые значимые символы истории народа. Послание, зашифрованное в этих символах, память о единстве перед лицом врага были, очевидно, фактором, удержавших распадающийся СССР от югославского трагического варианта, где сербы и хорваты таких совместных объединяющих символов не имели.

Последний период формирования советской символики, когда «Малую землю» около Новороссийска пытались поставить в один ряд со Сталинградом, был сам по себе показателем кризиса. Характерно, что символика этого периода отлетела легко, но вред принесла весьма определенный, дискредитируя государство. Возможно, когда-нибудь конкретные исследования покажут, что в этой деятельности было усердием не по разуму, а что многоходовой деятельностью по развалу государства. «Советское общество в предперестроечный период характеризовалось глубокой раздвоенностью: вся политическая жизнь и осмысление политических и экономических реалий настоящего должны были осуществляться в соответствии с четко заданными идеологическими канонами. В то же время быт общества, включая его культурные запросы, находился не только вне идеологии, но и в значительной мере противостоял ее догматам» [3, с. 4–7].

Заслуживают внимания своеобразные символические метания вокруг Беларуси периода «перестройки». Как известно, перестройка была первоначально представлена продолжением революции, совершенной в октябре 1917 г. Доклад М. С. Горбачева к 70-летию революции 1917 г. так и назывался: «Октябрь и перестройка. Революция продолжается». Для определения позиции белорусского руководства этого периода и, шире, ситуации в БССР, где народ не так быстро втягивался в процесс разрушения (который, как известно, «пошел») был запущен термин «Вандея». В той системе ценностей, где революция символизирует безусловный прогресс, считается «праздником угнетенных и эксплуатируемых», контрреволюция – зло. Термин был, безусловно, понятен всем знакомым с историей Великой французской революции. Вандея (название, ставшее символом контрреволюции) – это местность на севере Франции, в Бретани, где революция встретила особо сильное сопротивление местного населения, в основном крестьян. Подавлялось оно свирепо, но и повстанцы республиканцев не щадили, как и во всякой гражданской войне.

Термин «Вандея» должен был играть оценочно-мобилизующую роль, какую вообще играют политические символы. Уподобление БССР Вандее позиционировало ее как «врага перестройки», которая объявлялась продолжением революции. Но пресловутый «механизм ускорения» в сфере манипуляции сознанием в 1985–1991 гг. работал на полную мощность. Революция из понятия позитивного стремительно превращалась в негативное, ее противники из реакционеров и злодеев – в героев. Решить главную задачу – разрушить СССР, не встретив должного сопротивления, можно было только лишив силы его главные сигнальные символы, в первую очередь Великую Октябрьскую революцию, осмеяв и унизив ее покойных вождей, тоже ставших политическими символами. Как результат этих действий, существующая власть утрачивала легитимность не только в глазах народа, но и в сознании своих собственных представителей. Символ «Вандея» в этом контексте терял свой негативный смысл.

Но и сами «прорабы перестройки» – один из символических образов того периода – были людьми, чье политическое сознание сформировалось под влиянием политической символики, связанной с революцией, в итоге подготовили «революцию наоборот». Трагедия повторилась в виде фарса. Броневики В. И. Ленина превратились в танк Б. Н. Ельцина. Оборона «Белого дома» (данное название здание стало и знаковым включением символа иной, американской, политической культуры) – в штурм Зимнего дворца.

Таким образом, когда декабрь 1991 г. «отменил» декабрь 1922 г., политическая культура белорусского общества в основном определялась политическими символами советского периода. Процесс формирования в СССР «политической

нации» был сорван, и с ответами независимой Беларуси на вызовы времени тесно связан вопрос о новых и прежних символах политической культуры. Но политическая независимость не означает независимости от своего прошлого. Нельзя разумно двигаться вперед, отрицая все то, что было создано предыдущими поколениями, и полагать, что история начинается с нас.

В политический язык был внедрен термин «эта страна» вместо «наша страна». Этот термин является своеобразным аналогом компьютерного вируса, разрушающего символы (программы) патриотизма, любви к родной земле. Так его создатели адаптировали рейгановское определение СССР как «империи Зла». Символ этот в речах Р. Рейгана восходил к страшной стране Мордор из знаменитой книги Д. Р. Толкиена «Властелин Колец», хорошо знакомой тогда читателям Европы и Америки. В книге именно силы Запада противостоят абсолютному злу страны Мордор. (Теперь эта книга издана массовым тиражом в странах СНГ, но свой идеологический заряд она утратила.) Для внутреннего употребления термин «империя Зла» был несколько неудобен, в обычной речи трудноупотребим. Определение «эта страна» оказалось находкой. Нужно сделать над собой определенное усилие, чтобы сказать что-нибудь вроде: «В Беларуси нет ничего хорошего, здесь жить невозможно». Само слово «Беларусь» (как и «Россия», «Украина») несет в себе большую эмоциональную, символическую нагрузку, образную систему, отрезающую от которой, оскорблять которую дано очень немногим. Но стоит сказать или написать «эта страна» – и все понятно. Определение-символ позволяет сразу находить единомышленников, обозначить право на отречение. На более высоком, интеллектуальном уровне термин-символ «эта страна» как бы противопоставлял реальную, живую Беларусь с ее проблемами и надеждами идеальному вымышленному государству, которое могло бы быть, если бы не обстоятельства исторического пути. «Беларускі народ у сваёй масе напрыканцы ХХ стагоддзя меў клопат ня так с праблемай адраджэння, як с праблемай выжывання... і важна было клапаціцца, як затрымацца на краі пагібелі, а не дбаць пра колішнюю веліч часоў ВКЛ» [4, с. 520–521].

Рассмотрим несколько символов современной белорусской политической культуры и борьбу мнений вокруг них. Элита, оказавшаяся перед проблемой формирования политической символики, объединяющего языка политической культуры, должна думать о единстве нации, а не о ее расколе.

Может быть, самым важным символом является празднование дня основания государства. Подходила ли на роль важнейшего общенационального символа дата 25 марта 1918 г.? Не имеет смысла замалчивать это историческое событие и отрицать право историков и граждан иметь различные точки зрения на так называемый «День Волі». Но поставим вопрос иначе: можно ли в кон-

тексте исторического опыта белорусского народа выбирать символической датой событие, вследствие которого Рада БНР смогла осуществлять национальное представительство при немецкой оккупационной администрации? Нельзя считать удачным и решение Верховного Совета Беларуси об объявлении Днем независимости 27 июля. В этот день в 1942 г. генеральный комиссар Белоруссии Вильгельм Кубе подписал распоряжение следующего содержания:

«1. Я разрешаю в Генеральном Комиссариате Белоруссии при различных торжествах или для опознания белорусской национальности рядом с немецкими знаками различия вывешивать на домах и носить белорусские национальные значки и эмблемы.

2. За национальные значки и эмблемы белорусским на основании данного распоряжения признаются:

- а) белорусская национальная «Погоня» согласно прилагаемому образцу;
- б) белорусский национальный флаг также согласно прилагаемому образцу;
- в) нарукавные нашивки для членов Белорусской Народной Самопомощи.

Все эти знаки и эмблемы находятся под государственным покровительством» [5, с. 258].

Дата, избранная для проведения важнейших ритуально-процессуальных церемоний, не должна иметь такого контекста. А вот выбор на эту роль даты 3 июля (День освобождения Минска от немецко-фашистских захватчиков в 1944 г.), напротив, является исторически значимым и, говоря современным языком, политкорректным. Это событие всем хорошо известно, асолютно понятно, прочно и заслуженно заняло место в отечественной истории. Оно стало символом, объединяющим нацию, сохраняющим память о самом серьезном испытании за всю ее историю.

Точно также в 1992 г. была сделана попытка утвердить как день белорусской воинской славы 8 сентября в память об Оршанской битве 1514 г. Политический смысл этого символа ясен, он должен был напоминать нации о историческом враге на востоке – России и заменить день 23 февраля, общий символ для народов СССР, чья армия выиграла Великую Отечественную войну. Выбран был не Грюнвальд, не битва под Синими Водами, а именно Орша. Выбор того или иного события на роль национального символа имеет огромное значение для исторического бытия народа. Само событие, состоявшееся в истории, превратившись в символ, начинает влиять на современную жизнь нации. 14 июля – день взятия Бастилии, 26 июня – день принятия Декларации независимости в США.. Для историка важно попытаться реконструировать прошлое, хотя работа с любыми источниками все равно дает только интерпретацию событий. Важно другое – какие установки и ориентации определяет этот символ у большинства народа.

Символика европейских народов в этой области, как правило, не толкает к конфронтации, не создает образ врага. Не празднуют немцы годовщину битвы при Садовой, а англичане годовщину битвы при Азенкуре. Конечно, эти события никто не замалчивает, они входят в школьные учебники, но это уже другой вопрос.

Таким образом, вопрос о формировании политической символики, языке политической культуры является актуальной проблемой. Беларусь не может просто взять и отбросить все символы советского периода своей истории. Мы живем в прямом и переносном смысле среди их материальных воплощений. Формирование нации завершилось именно в этот исторический период. Если, конечно, не придерживаться такой точки зрения: «Наша гістарычная дзяржава – Вялікае княства Літоўскае... Назву Белая Русь далі нам каланіялісты, а бальшавікі зрабілі ў яміке зямлянку пад назвай Беларусь» [6, с. 1–2].

Важным символом политической культуры страны следует считать институт президентства. Он как бы соединяет прежнее, сакральное восприятие власти великих князей, королей и императоров, генеральных секретарей с политическим рынком, выборным началом. Тем более, что во всех странах, составлявших в свое время «социалистический лагерь», этот институт стал одним из основных элементов формирующейся новой политической системы.

Сознание народа – не чистая доска, на которой можно легко стирать ранее написанное и рисовать новое. Кроме того, за спорами о прошлом как бы не упустить будущее, т. е. создание материальных и духовных символов, с которыми жить новым поколениям белорусов. Прошлое мы можем осмыслить, но будущее готовится нашими трудами. Конечно, эта деятельность должна идти синхронно с восстановлением исторической памяти, в том числе в ее материальных проявлениях. Несвижский замок, Хатынь, Брестская крепость, Августовский канал, здание Национальной библиотеки и дают белорусам право «людзьмі звацца».

Возможно, следует осторожно и постепенно заменять названия некоторых улиц в городах республики, если они носят имена людей, с Беларусью никак не связанных, в то время как немало белорусских имен, значимых для страны и мира, часто ничего не говорят широкому кругу граждан. Это относится и к сооружению памятников, обустройству памятных мест. Известное выражение о времени собирать камни для Беларуси носит далеко не иносказательный характер. «В переходных обществах идет процесс обновления политической символики, развенчания старых и рождения новых символов. Выбор символа превращается в важную политическую задачу и предмет острой идеологической конфронтации. Занимая важное место в системе ценностей и политических ориентиров, политические символы приобретают громадное политико-культурное значение» [7, с. 326–327].

Вопросы государственной символики должны быть и в центре внимания законодателей. «В государственной символике Республики Беларусь запечатлены социально-политические и социально-нравственные ценности, исторический смысл и историческая связь времен, исторический завет белорусского народа к осуществлению справедливости, свободы и независимости, к построению миролюбивой, сильной и процветающей Беларуси» [8, с. 10]. Политическая символика белорусского государства должна формировать у граждан чувства патриотизма и гордости за свою страну.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Britannica: настол. энцикл.: в 2 т. / гл. ред. Т. Папас, пер. с англ. – М.: Астрель; Тверь: АСТ, 2006. – Т. 2. – 1168 с.
2. Мисюров, Д. А. Политическая символика: структура и функции / Д. А. Мисюров // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Полит. науки. – 1999. – № 1. – С. 43–57.
3. Кожокин, Е. Политическая культура и трансформация государственных институтов / Е. Кожокин // Свобод. мысль–XXI. – 2001. – № 8. – С. 4–7.
4. Быкаў, В. Доўгая дарога дадому: кн. успамінаў / В. Быкаў. – Мн.: Кніга, 2003. – 539 с.
5. Зенькович, Н. А. Чья Белоруссия?: границы, споры, обиды / Н. А. Зенькович. – М.: МК-Периодика, 2002. – 396 с.
6. Беларуская нацыянальная ідэя: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф. (18–19 крас. 1999 г., Гродна) / Каардынац. кам. «Гродзен. ініцыятыва»; пад рэд. А. А. Астроўскага, В. А. Санько. – Мн., 2000. – 448 с.
7. Соловей, Т. Г. Политическая символика в структуре общественного сознания / Т. Г. Соловей // Белорусская политология: многообразие в единстве–II: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (25–26 мая 2006 г., Гродно) / Гродн. гос. ун-т; под ред. В. Н. Ватыля. – Гродно, 2006. – С. 326–327.
8. Матусевич, Е. В. Идеология белорусского созидания / Е. В. Матусевич [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://www.pacademy.edu.by/avtoritet/academ.phtml?avtoritet>. – Дата доступа: 09.11.2006.

Дата поступления статьи в редакцию: 13.07.2009 г.